

— У тебя такой перерыв в большой работе после "Лимиты": что затеял?

— Мы пытаемся написать сценарий с Арифом Алиевым. Знаешь его?

— Конечно, "Кавказский пленник".

— Молодой, очень талантливый, очень работоспособный парень с новым мышлением. Кстати, параллельно трудится журналистом в журнале "Вояж". Он сразу согласился работать на будущее, чем выгодно отличается от очень многих сегодня — его взволновала моя идея, а не те деньги, которые он за нее получит.

— Сколько вы уже пишете?

— Месяцев пять. Тема и идея настолько сложные, что мы написали уже два полновесных варианта и сейчас все меняем и пишем третий.

— Что-то не устраивает?

— Мы взяли что-то глобальное, помоему. И вот мучаемся. Мне это очень нравится, потому что результат может быть хорошим, но нас что-то не удовлетворяет до сих пор. Пока мы все в литературных образах. Потом я буду вспоминать об этом времени с завистью. Сейчас как раз что-то и творится — чему-то радуешься, от чего-то приходишь в ужас, впадаешь в депрессию. Испытываешь сильные эмоции.

— Какая тема?

— История семьи на протяжении 50 лет. Мать и ее сыновья. О желании быть вместе, испытывать семейные чувства любви и невозможности их испытывать, потому что жизнь жесткая. Борьба между чувствами и жизнью — вот это и есть история. Мы ее писали с семьей Овечкиных. Помнишь, был такой знаменитый ансамбль "Семь Семионов", где мать и дети играли на разных инструментах, а потом они угнали самолет. Я специально не интересуюсь их сегодняшней жизнью. Мы ее полностью придумали. Герои возвращаются из тюрем, из разных точек страны, все снова встречаются в Москве. Шесть братьев — мать. Младшему — 30, старшему — 50, ей — 71, как и есть Нонне Викторовне Мордюковой. Для нее это пишется. Живу только в этом. У меня предстартовое состояние.

— Оно тебя нервнрует?

— Конечно. Я просто очень сильный человек и, банально говоря, волевой. Я держусь. Для слабого такое состояние — когда тебя режут — очень страшно. Уходит время — я боюсь не успеть схватить лето.

— Это будет напоминать "Лимиту"?

— Специально новых вещей я придумывать не буду, рука все-таки почерк оставляет тот же, но этот фильм будет более жизненным.

— Кого ты видишь реально на главные роли?

— Реально я вижу Нонну Викторовну — из-за нее все затеялось, и тот круг актеров, мною любимых и моих друзей, который я в первую очередь приглашал бы на свои картины.

— Говорят, ты домосед.

— У меня сейчас желание вообще никуда не выходить. Что делаю? Да ничего не делаю. Так, что-то по быту, правда, единственное, на что меня хватило, — купить дрель. Дырку могу сделать в стене.

— Я как-то живо представляю тебя лениво растянувшимся на диване.

— Люблю спокойно посидеть. У меня есть компьютер — два последних года без него просто не обхожусь, и телевизор — смотрю все новости подряд. Для меня это как фон жизни, как звук в водопроводных трубах. Люблю, когда ко мне приходят друзья и когда они приходят неожиданно. Лучшие моменты жизни, когда происходят случайные вещи. Шел мимо, позвонил, как-то образовывается стол, не с омарами, а так, — колбаски порезать, сырка, бутылка и разговор. Такое старое совет-

Горжусь этим. Это абсолютно несветское дело. Мы не устраиваем публичных турниров. Просто два полных человека в поту бегут за мячиком в пустом зале.

— Ты что-нибудь знаешь про свои знаки?

— Я Скорпион и Бык. Но это не совсем мой год, я не Красный Бык, а другой. Мой будет в 60 лет.

— В твоём новом замысле нет автобиографического момента — ты и мама?

— Через пять минут после начала фильма эти вопросы отпадут. Какие-то от-

втянуть дым, я его втянул сразу же. Один раз спалил квартиру, ну так, не страшно — что-то жег на столе, и у меня все вспыхнуло. Машинки любил собирать, маленькие модели. По три рубля продавались по бла-ту. А потом я их все продал в классе девя-том. Десять лет отпахал в пионерских ла-герях, в которые меня отправляли каждое лето. Очень вяло ходил в кружок кинолю-бителя, по настоянию мамы. Бросил, что-то мне там не понравилось.

— Может, ненависть была началом любви? Ты ведь начинал кинооперато-ром.

— Я только потом понял, что киноопе-ратор — лучшая профессия в кино по изу-чению конкретного языка кино. Десять лет, которые я на это дело истратил, я учил язык кино, как учат английский. Я свобод-но говорю на этом языке, без акцента.

— В какой момент ты отложил каме-ру и сказал: "Хватит!"?

— Такой секунды не было. Просто по-сле периода, когда снималось качествен-ное кино, хлынул нескончаемый поток низкопробных фильмов, за которые очень хорошо платили. Вдруг стали предлагать невероятные суммы. Иностранцы стали звонить и просить снимать какие-то ма-разматические детективы, где люди обра-щались друг к другу "Сударь!" в сегод-няшней Москве. Я понял, что если я один такой сниму, получу эти деньги, меня туда может засосать. А тут мой друг, продю-сер, задал сделать со мной картину как с режиссером. Мне лень, но человеку взрослому, мужчине надо чем-то за-ниматься. И он меня привел в такое состоя-ние, как будто мотор включил, и все само собой закрутилось.

— В твоём втором фильме не бу-дет любви?

— Там не будет любви мужчины и женщины, но это будет фильм непосред-ственно о любви. Только эта любовь на-зывается материнство.

— В "Лимите" тоже странная лю-бовь — жил с одной, а думал, что она другая, как бы перепутал женщин?

— Это герой, который не может ухва-тить жизнь. Он схватил четырьмя руками ее материальную сторону — стал богатым, преуспевающим, а настоящая от него все время уплывает. И женщина оказывается не та, и друга, которого хотел спасти, он предаёт. Все оказывается фантомами. Миражами. Лежат эти миллионы, а он ку-да-то бежит за иллюзиями, потому что главное, оказывается, — это чувства, ко-торые он уже не может испытать.

— Ты сам когда-нибудь испытыва-ешь подобное?

— Нет, точно. Когда смысл твоей суе-ты — зарабатывание миллиона, то самый страшный день, когда ты его зарабо-таешь. Вот эти тридцать секунд, когда на твоём столе лежит мечта, а тебе так же скучно, — самые страшные. Кино — это не деньги. Это каждодневная жизнь, образ жизни. Это не цель. У меня нет цели — сделать фильм. Для меня цель — прожить эту жизнь. У меня не бывает тридцатисе-kundных мгновений.

— Я забыла спросить, как будет называться твой фильм?

— "Мама".

Наталья РТИЩЕВА.

ДЕНИС ЕВСТИГНЕЕВ ЗАДУМАЛ ГЛОБАЛЬНОЕ

И ВОТ МУЧАЕТСЯ

ское развлечение. Кухонное. Это по мне. Это я очень люблю.

— Что тебя спасает от сидячего и курящего образа жизни, все-таки две пачки в день?

— В теннис начал играть. Один раз себя заставил, и теперь — как наркотик.

ношения могут быть взяты из нашего опы-та подспудно.

— Ты был трудным ребенком?

— Я был троечником отпетым. Не ска-жу, что я был злостным хулиганом, но со всеми прибамбасами нелюбви к школе. Прогуливал уроки. Когда легкие позволили

35 лет. Оператор-поста-новщик фильмов: "Попут-чик" (реж. И.Киасашвили); "Слуга" и "Армавир"

(В.Абдрашитов); "Путеше-ствие товарища Сталина в Африку" (И.Квирикадзе); "Такси-блюз" ("Ника" за операторскую работу) и "Луна-парк" (П.Лунгин).

Дебютировал в режиссуре фильмом "Лимита". Мама — Галина Волчек, папа — Евгений Евстигнеев, жена — Екатерина Гердт.

Две пачки сигарет в день. Лежаче-сидячий образ жизни. Миллион друзей. Природное чувство юмо-ра. Теряется от вопроса, кого предпочитает — блондинок или брюнеток, но знает все про кино. Без особых усилий достиг по-ложения, когда интересен сам по себе. Сидит дома, пишет сценарий.